

В те дни на пустынной планете никто не мог понять ту горечь и ярость человека, узнавшего, что он неизлечимо болен, — человека, который был некогда блистательным полководцем на полях сражений, а теперь должен был навсегда уйти в тени и лишиться всякого права участвовать в войнах.

Ян То нужно было найти отдушину, и он нашёл её. Вживаясь в разные роли, он забывал о своих бедах, словно проживая в каждой истории яркую и удивительную жизнь. Он отпустил душевную боль, примирился с ударами судьбы и обрёл новую мечту — стать актёром, проживающим самые разные судьбы.

Мог ли Вань Цюань выиграть у такого одержимого киномана? Ни единого шанса.

— Только что тот возглас показался мне довольно болезненным, Вань Цюань, ты не повредил колено? — с заботливыми нотками в голосе спросил Ян То, глядя на Вань Цюаня, который всё ещё стоял на коленях, ошеломлённый и словно лишившийся рассудка.

Режиссёр Чжан расслышал слова Ян То. Он ведь тоже слышал, как колени ударились о землю, и теперь с некоторым разочарованием смотрел на Вань Цюаня. У этого парня просто никуда не годилась психика: стоило Ян То лишь взглянуть на него, как он до смерти перепугался.

— Вань Цюань, сможешь продолжить съёмки? Или тебе нужен перерыв?

Вань Цюань опомнился и бросил на Ян То злобный взгляд — ему вовсе не была нужна фальшивая доброта этого человека. Стиснув зубы, он поднялся на ноги и твёрдо заявил режиссёру:

— Режиссёр Чжан, я в полном порядке!

Вань Цюань мысленно подбадривал себя: должно быть, в прошлый раз он просто слишком сильно вжился в роль, но на этот раз Ян То его точно не сломит. Он ведь просто непрофессиональный актёр, а не какой-то великий демон! Не великий демон! Не великий демон!

Важные вещи нужно повторять трижды.

Однако раздался ещё один глухой стук. Вань Цюань только что выстроил психологическую защиту — и снова рухнул на колени. Нет, ему не показалось: это был взгляд не человека, а настоящего великого демона. Больше нельзя смотреть, иначе тот его проглотит.

Режиссёр Чжан со вздохом потёр лоб. Это была последняя сцена, дальше оставалось только два дубля на досъёмку, неужели они застрянут здесь? Если делать столько дублей, он начнет по-настоящему переживать за колени Вань Цюаня.

— Вань Цюань, у тебя болит колено? Ты действительно сможешь продолжить?

После очередной остановки съёмок, когда Вань Цюань опустился на колени уже в седьмой раз, Цуй Хэн напомнил режиссёру Чжану о погоде. Небо уже потемнело, вот-вот должен был начаться дождь, так что съёмки на натуре необходимо было закончить как можно быстрее.

Режиссёр Чжан нахмурился, выругался про себя, а затем лично испытал на себе этот устрашающий взгляд Ян То. В нём не было кровожадности, но он внушал неподдельный ужас — в этом взгляде крылась особая мощь, однако вряд ли она могла заставлять Вань Цюаня падать на колени снова и снова. Мог ли режиссёр Чжан признать, что Ян То просто сыграл слишком убедительно?

— Вань Цюань, я даю тебе последний шанс. Мужчина ты или нет? Если можешь — делай, не можешь — убирайся, вся съёмочная группа не собирается возиться с тобой! — Режиссёр Чжан наконец потерял терпение. Он был крайне разочарован новичком, которого ему порекомендовал старый друг. В этот момент Вань Цюань должен был полностью раствориться в образе владыки города духов, прочувствовать последнее достоинство древнего духа, который пусть и испытывает страх, но всё равно не желает сгибать спину. Однако Вань Цюань не справился.

Режиссёр Чжан понимал, что Вань Цюань далеко не пойдёт. Хорошему актёру приходится сталкиваться с огромным давлением, и он обязан преодолевать свои внутренние демоны, но Вань Цюань чем дальше, тем больше склонялся к бегству.

Ян То, будучи любителем, играл лучше него. И впрямь, в актерском ремесле порой всё зависит от таланта, дарованного небесами, — тут никогда ничего нельзя предсказать наверняка.

Лицо Вань Цюаня залилось краской: от слов режиссёра Чжана его щеки горели огнем. Но он действительно не смел смотреть в глаза Ян То. Сначала он ещё мог выдерживать прямой взгляд, но позже у него не осталось на это даже смелости. Этот страх навсегда отпечатался у него в душе.

Ян То ни капли не мучался угрызениями совести за то, как поступил с Вань Цюанем. Он ведь проявил невероятную чуткость и выкладывался на съёмках изо всех сил именно так, как того и хотел Вань Цюань. Разве не о том просил сам Вань Цюань?

Ян То не испытывал к Вань Цюаню никаких симпатий — и дело было не только в мелочности последнего и его постоянных попытках испортить ему настроение. Раз уж он занял это тело, то должен был свести старые счёты между прежним владельцем и Вань Цюанем, приняв это за своеобразную плату.

Прежний владелец тела общался с Вань Цюанем, и в конце концов это привело его к самоубийству, — было бы неверно утверждать, что прежний хозяин совсем не был виноват. Тот слишком заикливался на всём, этого нельзя было отрицать. Но разве Вань Цюань был во всём прав? Больше двух лет сетевой дружбы — неужели он действительно не чувствовал, насколько

чистыми и искренними были чувства прежнего владельца к этой дружбе? Пусть в реальной жизни тот и не отличался приятным характером, разве это позволяло вмиг перечеркнуть больше двух лет дружбы, не оставив от неё даже горстки пепла?

Раз уж Вань Цюань считал, что слабые не заслуживают жалости, и был убежден, что слабые недостойны его дружбы, Ян То решил применить теорию самого Вань Цюаня против него самого, чтобы тот тоже прочувствовал это на своей шкуре.

Хватит у Вань Цюаня способностей — пусть совершит прорыв в процессе. Не хватит — пусть до конца дней живет с этим страхом и этой тенью. Ян То вовсе не был святошей, отвечающим добром на зло.

Вань Цюань наконец набрался наглости и произнес:

— Режиссёр Чжан, не могли бы вы дать мне немного времени? Я хочу поймать нужное настроение. Режиссёр Чжан сидел с мрачным лицом и не дал Вань Цюаню никакого ответа. Он снимал сериал с еженедельным выходом серий и совершенно не располагал свободным временем, чтобы возиться с чьей-то актёрской игрой. Если бы он заранее знал, что Вань Цюань окажется настолько невыносимым, то ни за что не позволил бы ему попасть в съёмочную группу.

Режиссёр Чжан пересмотрел только что отснятый дубль и решил переписать сценарий. Он изменил последнюю сцену: теперь, стоило таинственному монаху оглянуться, как Владыка города призраков успевал лишь вытаращить глаза от ужаса, прежде чем рассыпаться горстью песка. Не стоило и пытаться изображать то псевдодостоинство, которое тот так отчаянно старался сохранить. Раз уж этот персонаж получился плоским, винить в этом стоило лишь никчёмность самого актёра!

Надвигался дождь, и режиссёру Чжану необходимо было срочно донснять ещё пару кадров, а после полудня отправить материал в монтажную. Позади оставалось всего два дня перед тем, как готовые серии нужно будет сдать на телевидение.

— Ладно, пусть будет так. Не мучай себя, иди в гримёрку и обработай колени.

Услышав это, Вань Цюань почувствовал, как сердце ухватило куда-то вниз. Больше всего на свете стоило бояться вовсе не гнева режиссёра, а того, что режиссёр на тебе поставил крест. Ему хотелось плакать, но слёзы не шли: режиссёр Чжан славился своей строгостью, и это означало, что от него просто отказались. Но раз не выходит — значит, действительно не выходит, он просто физически не мог это сыграть.

Вань Цюаню очень хотелось затаить обиду на Ян То — кто просил его смотреть таким пугающим взглядом? Однако страх был настолько силен, что у него даже не осталось сил злиться на Ян То.

Наблюдая за тем, как Вань Цюань с посиневшим лицом покидает площадку и бросает на него панические взгляды, Ян То довольно улыбнулся про себя. Быть объектом ненависти для человека вроде Вань Цюаня означало бесконечный поток мелких пакостей и хлопот, так что лучше уж внушить ему глубокий страх. Идеально, если бы этот трус теперь обходил его за верстак и десятой дорогой.

Не считая Вань Цюаня, настроение у всех остальных членов съёмочной группы было отличным — съёмки на эту неделю подошли к концу. За исключением режиссёра Чжана и сотрудников монтажно-тонировочного отдела, которым предстояло корпеть над сериями в пятницу и субботу, все остальные получили два выходных дня.

После полудня, как и предсказывалось, хлынул ливень. Съёмочная группа не спешила в полном составе разъезжаться: Чжао Хуаян уехал первым, поскольку уже завтра днём ему нужно было возвращаться в столицу для съёмок в рекламном ролике, а Ли Цзяньфэй, большой любитель вкусной еды, решил остаться.

Ян То получил свой первый гонорар — в общей сложности шесть тысяч юаней. Деньги были не сказать чтобы огромные, но и маленькими их тоже не назовёшь: например, Цзоу Минмин, которого Ян То знал по роли трупа, зарабатывал за день съёмок всего чуть больше сотни. Общая продолжительность сцен с участием Ян То составляла целых десять минут, так что шесть тысяч юаней были вполне честной платой. Разумеется, стоящих за этим трудов никто во внимание не принимал. Ян То не слишком заботился о размере гонорара — в данный момент ему куда больше была нужна возможность засветиться на экране, причем желательно в хорошем сценарии. Возвращаться к роли массовки после этого проекта Ян То совсем не улыбалось. Режиссер Чжан и Цуй Хэн оба благоволили к Ян То и обещали держать его в поле зрения, но Ян То не хотел возлагать все надежды исключительно на других.

Однако прежде всего стоило как следует побаловать свой желудок.

Ли Цзяньфэй провел с Ян То целый месяц и, познакомившись поближе, узнал, что Ян То, будучи студентом компьютерного факультета университета Шуйму, всей душой рвется в актеры. Сам Ли Цзяньфэй был довольно неплохим актером и, несмотря на свое воинственное имя, обладал на редкость мягким характером. Правда, он воспринимал актерское ремесло лишь как хобби, что отличало его от Ян То, для которого сцена была настоящей мечтой. Упорство и целеустремленность Ян То глубоко тронули его.

Люди сходятся, если между ними есть особая связь. Ли Цзяньфэй и Ян То быстро нашли общий язык, а когда речь заходила о еде, искренний восторг Ян То помогал им всегда находить общую тему для беседы. Более того, общая особенность — способность есть сколько угодно и при этом не поправляться — окончательно сблизила их, превратив в настоящих собутыльников по гастрономическим походам.

Съемки этой картины подошли к концу, оба обменялись контактами и договорились испробовать все кулинарные изыски Пекина, а перед этим — как следует пройти по всем забегаловкам и ресторанчикам в окрестностях кинобазы. Если заговорить о еде, Ян То считал её величайшим подарком небес после своего перерождения. По шкале наслаждения она

уступала лишь возможности играть на сцене. Кулинарное искусство Хуаго было неисчерпаемо и исцелило его аппетит, некогда разрушенный питательными смесями.

Из-за войны Федерации с зергами возможность отведать вкусную еду стала несбыточной мечтой, особенно на Звезде Пустошей, где Ян То находился раньше. Уже по названию планеты было ясно, что никакой изысканной еды там нет, и приходилось перебиваться одними питательными растворами. Хотя они и снабжали тело всеми необходимыми микроэлементами, от них жутко воротило, но в военное время приходилось преодолевать любые трудности. И вот теперь он наконец-то попал в страну гастрономии.

Ян То считал Ли Цзяньфэя отличным парнем. Казалось, тот был снабжен встроенным пищевым радаром, способным вынюхивать любые уличные ларки с едой. За этот месяц они уже немало попробовали. После дождя воздух посвежел, и они решили вечером отправиться к лоткам с шашлычками.

Ян То, этот шашлычный ларек пользуется бешеным успехом, местные все о нем знают, сегодня я намерен наесться от пуза. Только понюхай этот аромат, зира и перец смешались воедино, а какой запах мяса!

Ли Цзяньфэй глубоко втянул носом воздух, в уголках его рта заблестело нечто, подозрительно похожее на слюну.

Летняя ночь, шашлычки и пиво созданы друг для друга. Этот аромат долетел и до носа Ян То, заставив его едва ли не терять приличное выражение лица. Нужно держаться, нельзя пускать слюни, как Ли Цзяньфэй.

Однако взгляд Ян То уже прилип к шашлычкам: мясо, о мясо, я иду к тебе! Этот шашлычный ларек пользовался огромной популярностью, столики были заняты почти полностью, и Ян То с Ли Цзяньфэем сели за последний свободный столик на четыре человека.

Не успели они сесть, как к ним подошел мужчина, чей внешний вид как-то не вязался с атмосферой шашлычной. Вокруг сидели парни с обнаженными торсами, кто-то был в старых майках-алкоголичках, а те, кто больше следил за своим имиджем, вроде Ян То и Ли Цзяньфэя, были одеты в футболки и повседневные брюки. Этот же мужчина носил темные очки и, более того, был облачен в строгий тройной костюм.

Ли Цзяньфэй бросил на него взгляд: бренд он определить не смог, но по одной лишь ткани было ясно — вещь высочайшего качества, скорее всего, ручной работы.

— Я могу подсесть к вам? — голос у мужчины был очень приятным, а в руке он держал бумажный чело́к с заказом.

Кто бы мог подумать, что такой мужчина тоже придет поесть шашлыков!

Ли Цзяньфэй пригласил его за стол, но собеседник вовсе не горел желанием болтать. По сравнению с царившей вокруг атмосферой, где толпы людей всюду пили пиво, уплетали шашлыки и оживленно щебетали обо всем на свете — от уличных сплетен до мировых новостей, — их столик выглядел несколько отстраненно.

Ян То вовсе не был неразговорчив, просто его знаний об этом мире еще не хватало. Хотя у него и остались кое-какие воспоминания прежнего владельца тела, тот от природы был замкнутым человеком и мало чем интересовался. На данном этапе Ян То придерживался правила: больше слушать, больше смотреть и меньше говорить.

К тому же во время еды у Ян То выработалась привычка не разговаривать. К кулинарным шедеврам следовало относиться всей душой, не отвлекаясь на посторонние вещи, и потому он, конечно же, не любил всякие светские застолья — это было бы неуважением к еде.

Человек, прошедший через двухвековую войну, Ян То относился к пище с благоговейным трепетом. Времена были суровые, и раздобыть в дни пожарищ любовно приготовленную еду считалось огромной роскошью. Пройдя через подобный опыт, он очень дорожил едой.

Уважать еду означало уважать с таким трудом доставшуюся мирную жизнь.

Хотя Ян То и находил подсевшего к ним мужчину немного странным — тот был в тройке костюме и натертых до блеска туфлях, и хотя летняя ночная духота совсем не располагала к такой одежде, — основываясь на недавно усвоенных знаниях, Ян То решил, что офисные работники в определенных ситуациях обязаны носить деловые костюмы. Поэтому он объяснил столь странный наряд посетителя шашлычной тем, что после работы тому безумно захотелось поскорее отвезти душу за любимым блюдом.

Сам Ян То даже не подозревал о реальной стоимости костюма пришельца. С какой бы стороны — практической или редкости — он ни посмотрел на эту одежду, вряд ли на свете нашлось бы хоть одно платье, способное превзойти его собственный защитный комбинезон, подозрительно похожий на спортивный костюм, но защищавший от радиации, пуль и психоволн зергов.

Ли Цзяньфэй всё же несколько лет крутился в шоу-бизнесе, поэтому, разумеется, распознал ценность этого облачения и по манерам незнакомца понял, что человек тот непростой. Только вот раз уж столь солидный господин пожаловал сюда за шашлыком, оставалось лишь гадать, не дожидается ли его где-то свита из телохранителей. В любом случае, подобное поведение свидетельствовало об искренней страсти к гастрономии. Раз уж перед ними, скорее всего, особа высокого полета, беспокоить её не стоило — вряд ли тому человеку понравилось бы, если бы к нему кто-то приставал с разговорами.

Заказали они немало: куриные крылышки, баранину, крупные креветки, эноки — всего понемногу, в разных соусах: в медовом, остром, с ароматом специй. Вдобавок взяли бутылочку ледяного пива. Ночной ветерок чуть освежал зной, а вкус был поистине донельзя восхитительным, так что можно было особо не заботиться об имидже, даже если в уголке рта заблестела капелька жира.

Уже одолев больше половины и войдя во вкус, Ли Цзяньфэй наконец нарушил молчание — чарующая сила еды заставила его позабыть о недавних опасениях. Он сделал большой глоток пива и смахнул тыльной стороной ладони пену с губ.

— Всё-таки пиво с шашлыком созданы друг для друга. Крылышки в этом заведении — просто шедевр, они сполна оправдывают звание главной жемчужины темной кулинарии вокруг кинобазы. Впрочем, пиво — не единственный спутник шашлыка. Вот вернемся мы завтра в столицу, так там есть несколько шашлычных, которые просто обязан посетить каждый, пропустить их — настоящее упущение. Если захочешь сам поучаствовать в готовке, это желание тоже легко осуществимо: есть одно место, где можно жарить самому, и освоиться там проще простого. А если тебе надоест классика вроде крылышек и баранины, можно и разнообразить меню. Открылась тут одна новенькая точка, специализирующаяся исключительно на жареных куриных лапках — просто восходящая звезда шашлычной индустрии! В прошлом месяце открылись, я отправился туда по наводке, и тот вкус до сих пор забыть не могу. Лапки запекают до мягкости и нежности, сухожилия приятно жуются, а кожа снаружи просто тает во рту, оставляя на языке липкое послевкусие. Они вообще специализируются на блюдах с высоким содержанием коллагена, а их жареная свиная шкурка источает такой аппетитный дымный аромат, что язык проглотить можно. Ешь — и хочется еще! А если не любишь алкоголь, берешь бутылочку ледяного Бэйбинъяна — жизнь становится просто райской.

Ян То, уже было насытившийся на семь десятых, поддался на уговоры Ли Цзяньфэя, и в животе снова заурчало. Он не стал церемониться: раз уж у Ли Цзяньфэя был такой талант находить вкусную еду, в этом деле стоило следовать по его стопам.

— Звучит заманчиво! Братец Ли, решено, в следующий раз обязательно сходим туда вместе.

Ли Цзяньфэй так увлеченно рассказывал, что совершенно забыл о третьем человеке за столом.

Си Фу так и не снял темные очки, поскольку вовсе не желал быть узнанным. Хотя он и сомневался, что кто-то из его круга знакомств мог опуститься до столь приземленного времяпрепровождения, как поездка в шашлычную.

В Иньчуане реализовывался один девелоперский проект, и Си Фу вовсе не обязательно было приезжать лично. Однако, инкогнито зависая на кулинарных форумах и узнав о существовании столь выдающейся пятизвездочной шашлычной, он решил подойти к делу со всей ответственностью — лично проинспектировать объект, а заодно тайком заглянуть в уличный ларек, чтобы отвезти душу.

Что тут было главным, а что попутным — еще стоило поспорить.

Подобная шумная обстановка Си Фу не слишком нравилась, но в присутствии хорошей еды даже его брезгливость куда-то испарилась. К счастью, двое соседей по столу не шумели и не лезли с расспросами, позволяя ему целиком и полностью сосредоточиться на гастрономическом наслаждении. Даже сидя за этим уличным прилавком и измазав губы

жиром, Си Фу всё равно производил впечатление человека, стоящего на голову выше остальных.

Он давно привык ловить на себе чужие любопытные взгляды, да и не возражал против роли местной достопримечательности. Но пока ты стоишь на мосту и любишься пейзажем, кто-то смотрит на тебя из окна башни — в этот момент Си Фу и сам тайком наблюдал за Ян То. Он вовсе не подглядывал украдкой — в конце концов, темные очки надежно скрывали глаза, и Ян То никак не мог заметить его взглядов.

Си Фу обратил внимание на Ян То вовсе не из-за смазливости лица — хотя лицо было действительно красивым. Его привлекло то, с каким упоением Ян То ел: в каждом его движении читалось три части благоговения, три части благодарности, три части радости и еще одна часть неподдельного, идущего из глубины души счастья. Проявлять столь сложные эмоции, уплетая куриное крылышко так, что по губам тек жир, — Си Фу впервые встретил кого-то вроде Ян То.

Видя такое выражение лица, Си Фу сам не заметил, как проникся симпатией к случайному сотрапезнику: этот человек был донельзя искренним. Удивленно моргнув, Си Фу запечатлел этот образ в памяти и бессознательно улыбнулся уголками губ, а откусив кусочек баранины, почувствовал, что она стала еще вкуснее. Не зря ведь говорят, будто смотреть на человека, который с удовольствием трапезничает, — лучший способ нагулить аппетит. Оказывается, эта теория действительно работала, просто раньше ему не доводилось встретить подходящего человека.

Как Ян То мог ничего не почувствовать? Он обладал невероятно острым восприятием человеческих взглядов. Даже заметив изучающий интерес со стороны Си Фу, он ничуть не смутился — будущий актер ни за что не стал бы пасовать перед толпой зевак. От взгляда Си Фу веяло чистейшим доброжелательством, а это значило лишь одно: то, как он ел, выглядело безумно красиво.

Непринужденность Ян То лишь сильнее разожгла симпатию Си Фу, вызвав в нем непреодолимое желание заговорить первым.

Однако неожиданная реплика Ли Цзяньфэя, выдавшего на одном дыхании целый список пекинских деликатесов, застала Си Фу врасплох и переключила его внимание — о последнем упомянутом заведении он еще не слышал. Будучи гурманом, который старался не светиться перед знакомыми, Си Фу вдруг осознал, что его прежние заблуждения рассеялись: есть в одиночестве слишком тоскливо, пожалуй, стоит обзавестись парочкой единомышленников по части еды.

Он плавно подвел разговор к нужной теме:

— Простите, могу я спросить, где находится то место с жареными куриными лапками, о котором вы только что упомянули?

Услышав холодноватый голос Си Фу, Ли Цзяньфэй вдруг вспомнил, что только что выложил всю свою страсть к еде перед совершенно незнакомым человеком — неловко-то как!

Впрочем, с самообладанием у Ли Цзяньфэя всё было в порядке, и на лице не отразилось ни тени смущения.

— Это шашлычная Чэня, во втором кольце. Если хотите, я могу записать точный адрес.

— Спасибо.

У Си Фу определенно имелся опыт подобного знакомства. Он перевел взгляд на Ян То: раз уж они оба из столицы, может, представится шанс подружиться и ходить по ресторанам вместе?

Только вот Си Фу никак не мог сообразить, как продолжить беседу, чтобы это не выглядело навязчиво. Вся его обычная деловая хватка и проницательность куда-то испарились.

Кто бы мог подумать, что и на его улице настанет такой праздник.

Ссохраняя напускное спокойствие, Си Фу принял протянутую бумажку, но в душе слегка переживал.

В этот момент на другом конце шашлычной поднялся шум: толпа каких-то хулиганов шумно валила прямо к ним.

— У Цзяньго, а у тебя еще хватает наглости жрать! А ну выкладывай бражникам, когда вернешь долг! Думаешь, мы тут благотворительностью занимаемся? Долги надо отдавать, это дело правое, куда собрался!

Оказывается, явились кредиторы! А этот У Цзяньго, судя по всему, задолжал круглую сумму разным людям и, почуяв неладное, опрокинул стол, намереваясь прорваться с боем.

Шпана явно промышляла этим не впервые и тут же бросилась в погоню. Шашлычная в мгновение ока погрузилась в хаос.

Ян То еще не успел закончить трапезу. У него осталось два крылышка, и ему было жалко съедать их разом — хотелось растянуть удовольствие и попробовать всё как следует.